

ВЕРХОВЬЯ Окатчакана (речушки) это даже не сопка в привычном виде. Вблизи выглядят взбуренным холмом, где сейчас стоит юрта седьмого звена анавгайцев. Место занятное. В приоткрытую отдушину двери, выходящую на полуденную солнечную сторону по обычаю предков, далеко видна вершина Ичинского вулкана, а в окошко можно полюбоваться Ключевской сопкой.

Сюда я пришел не обычным путем через Эентэлэ (промоины). Да и надоело ходить порядком набитой, потому и наскучившей, дорогой по плато реки Мигиввом. По заносам снежной целины я навряд ли бы осмелился идти на туристических лыжах. А сейчас даже следы оленей на забойном пункте чуть припорошило. Мешали только кусты да тальники Окатчакана. После чаевки пошел по незнакомому распадку, у истоков которого находилась юрта. А вот, наконец, и лыжня, по которой ребята ходили в березняк за материалом для нартовых поделок. А вон и гонный след оленя его стада и свежий след пастухов по заиндевелой обычной ходке. Прошли только туда и сейчас они еще в табуне.

Потянуло сквозняком, хотя только полдень. Малость холодит завлажневшая от ходьбы одежда. Подпоясавшись запасной курткой, обтянутой юбкой, спокойно дотопал дальше. Знал, что никто меня не встретит. Валерий Егорович и Людмила Дмитриевна Индановы взяли отгул, чтобы побыть с детьми Лерой и Олежкой во время их каникул. Воспользовалась попутным «Бураном» и Юлия

Клеоновна Мандятова, чтоб съездить в гости к родным.

Не привыкать! Буквально через минуты камин согрел стылое кочевое жилье. Наевшись, занялся растопкой снега для воды. К приходу хозяев вскипятил чайник, согрел варено. Вот и звонок ботала. Неспроста. Так и есть.

ло для разделки. Пока они пьют чай, я пластаю ноги и голову.

— Что будем варить? — Марк Инданов протирает очки — заводил движок.

— Вон готовое кидай, — кивает Артем Афанасьевич Солодилов, привычно продолжая орудовать ножом.

— Самая вкуснятина —

ЗАПИСКИ ИЗ ТУНДРЫ

Шахматная партия у сопки Бабушка

Тридцать два года прошло, как в нашей газете появился мой очерк под претенциозным названием посимоновски «Дни и ночи» о буднях оленеводческой бригады Максима Христофоровича Солодилова из тванского колхоза. И с тех пор мои заметки на ее страницах связаны с жизнью кочевников. Да и нет иного вестника для пастухов, чтобы знать о происходящих событиях.

Будучи краснояранговцем, читал вслух сородичам всю газету. И не только неграмотным, которые тогда еще были. Еще были!!! Вроде бы районка только полвека как существует и стала выходить, когда ее рядовые «читатели» могли ее только поддержать — посмотреть, заинтересоваться бисером строчек, не понимая их смысла ввиду неумения читать. А сейчас их потомки буквально «глотают» все печатные издания, начиная с местной и кончая «Аргументами и фактами». Дальше, как говорится, комментарии излишни.

Отрадным для меня остается и то, что здесь впервые были опубликованы мои записи сказок Николая и Кирилла Солодиловых, Марии Афанасьевны Адукановой, Федора Иннокентьевича Коеркова, Натальи Михайловны Мандятовой, Миней Матвеевича Амганова. Ведь только благодаря этим хранителям устного творчества останутся в памяти их внуков и сказки, частью выпущенные в книге на эвенском языке.

Сегодня читатели познакомятся с еще одним эпизодом из жизни оленеводов.

Оленеводы припозднились. Идут позднее против обычного из-за того, что долго не могли заарканить ездового оленя. На боталистом и приволокли завернутое в шкуру мясо. Так прямо мешком и затащили в теп-

кости позвонка, — поддакиваю и я. — И ребрышки.

— А язык? — смеется Марк, смотря на отложенную мной отдельно челюсть. — Ну, да ладно, заработал...

— Что-то сегодня «Тихий океан» неинтересный. Лучше «Романтику» послушать.

— Подожди! Малежек! Давай запишем, — Артем, кончив разделку, присаживается к транзистору. — Ну-ка, наладь.

Отложив пачку соли Марк поворачивается прибору. И будоражат засывшие сопки вокруг удалые синкопы кассетной музыки, неременной спутницы нынешних потомков скитальцев горных хребтов. И даже не мешают думать над ходами затянувшейся второй партии в шахматы. Сделав очередной ход, Марк берет банку борща:

— Сколько положить?

— Лучше не надо, — отвлекаюсь я. — Крупую какую-нибудь, а то после рассолов завтра какая ходьба.

— И самому ведь в табун топать.

— Точно, а вдруг рысь опять появится. Погонять бы ее.

— Где там, по зарослям ольхачей? Напрасно тревожит оленей. Так бы спокойно паслись. А места-а...

— А с собаками как?

— Двух застрелили. Одна черная убежала в Эссо. Куда же еще?!

— Я давно этот ход видел, — подначивает Артем.

— Это не с тобой играть.

Матч музей — табун закончился вничью.

Уходил я в Эссо от сопки Эннекэ (бабушки) после связи с Анавгаем по рации. Звеньевой сказал, что приедет неделей с Валерием Неревлей, чтобы начать выездку гоночных оленей ко Дню оленевода.

К. ЧЕРКАНОВ.